

Мочалов А.Н., Колобаева Н.Е. Несмеянова С.Э. Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации. DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_135 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 135–163.

УДК 342.727

DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_135

Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации

Артур Николаевич Мочалов

Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Наталья Евгеньевна Колобаева

Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: kne003@usla.ru

Светлана Эдуардовна Несмеянова

Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru

*Поступила в редакцию 14.05.2021, поступила после рецензирования 03.10.2021,
принята к публикации 18.10.2021*

В статье представлена авторская позиция по поводу права на доступ в Интернет. Данное право может рассматриваться в качестве субъективного права человека, однако оно является не фундаментальным, а производным. Доказывая этот тезис, авторы последовательно анализируют юридическое содержание данного права и механизм его реализации. В результате делается вывод, что правомочия, составляющие юридическое содержание права на доступ в Интернет, охватываются уже существующими основными правами и свободами, признаваемыми на международном уровне. Механизм реализации права на доступ в Интернет, по мнению авторов, является многосоставным, поскольку вбирает в себя элементы механизмов реализации других субъективных прав и свобод. В связи с этим гарантии реализации права на доступ в Интернет подразделяются на негативные, направленные на обеспечение личной свободы, автономии индивидов и невмешательства в сферу их

© Мочалов А.Н., Колобаева Н.Е., Несмеянова С.Э., 2021

частной жизни, и позитивные, предполагающие активные действия государств по созданию условий для предоставления всем жителям возможности равного доступа к Глобальной сети без дискриминации и по разумной цене. Результатом реализации права на доступ в Интернет является не просто расширение инструментария поиска, получение и распространение информации, а приобщение индивида к глобальному информационному обществу, открывающему широкие возможности для осуществления многих других прав и свобод на качественно новом уровне. В статье также приведен анализ основных международных документов в сфере обеспечения доступа к сети Интернет, а также рассмотрено регулирование данного вопроса на национальном уровне в ряде государств. На основе сравнительно-правового изучения регулирования доступа в Интернет в разных странах авторы приходят к выводу, что в настоящее время невозможно сформулировать единый подход к определению содержания рассматриваемого права и механизмов его реализации, который носил бы достаточно универсальный характер и был бы удовлетворительным с точки зрения как международного права, так и национальных правовых систем. Поэтому авторы статьи усматривают необходимость дальнейшей доктринальной разработки права на доступ в Интернет и выработки международных стандартов доступа в Интернет.

Ключевые слова: Интернет, доступ в Интернет, право на доступ в Интернет, права человека, субъективное право, глобальное информационное общество, право на информацию, свобода выражения мнений, гарантии прав человека

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16204.

The Right to Access the Internet: its Legal Content and the Mechanism of Implementation

Artur N. Mochalov

Urals State Law University,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Natalia E. Kolobaeva

Urals State Law University,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: kne003@usla.ru

Svetlana E. Nesmeyanova

Urals State Law University,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru

Received 14.05.2021, revised 03.10.2021, accepted 18.10.2021

Abstract. The article presents the authors' position on the right to access the Internet. According to the authors, this right can be considered as a human right. Nevertheless, this right is not fundamental; it can be derived from internationally recognized human rights and freedoms. Proving this thesis, the authors analyze the legal content of the right as well as the legal mechanism of its enjoyment by individuals. The authors come to the conclusion that all legal possibilities covered by the right to access the Internet are guaranteed by the existing fundamental rights. According to the authors, the right to access the Internet has a multi-component legal mechanism of enjoyment involving the elements of mechanisms provided by other human rights and freedoms. In this regard, the system of guarantees of this right includes both negative guarantees (aimed at ensuring personal freedom, autonomy of individuals and non-interference in their private life), and positive ones (requiring the states' active actions to create conditions for providing equal opportunities for getting access to the global computer network without discrimination and at a reasonable price). The authors argue that exercising the right to access the Internet by individuals lead to the result that does not repeat the results of enjoyment of other rights and freedoms. This result is not a mere expansion of the tools for searching, receiving and disseminating information. It consists in involving an individual to the global information society, which opens up wide opportunities for enjoying many other rights and freedoms, at a qualitatively new level. The article also provides an analysis of the main international documents in the field of providing access to the Internet and regulating this issue at the national level. Based on a comparative legal study of the regulation of Internet access in various countries, the authors come to the conclusion that at present it is impossible to formulate a uniform approach to determining the content of the right and the mechanisms for its enjoyment, which would be sufficiently universal and would be satisfactory from the point of view of both international law and national legal systems. In this, the authors of the article see the need for further doctrinal development of the right to access the Internet and elaboration of international standards in this field.

Keywords: Internet; access to the Internet; the right to access the Internet; human rights; subjective rights; the global information society; the right to information; freedom of expression; human rights guarantees

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the scientific project No. 18-29-16204.

For citation: Mochalov A.N., Kolobaeva N.E., Nesmeyanova S.E. The Right to Access the Internet: its Legal Content and the Mechanism of Implementation, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 135-163. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_135.

Введение. Каждый год Специальным докладчиком ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение публикуется тематический доклад, посвященный определенному аспекту реализации данного права. Доклад 2011 г. (далее также – Доклад Франка Ла Рю), которому исполняется десять лет, вызвал наиболее широкие дискуссии среди политиков, ученых и гражданских активистов: в нем впервые на столь высоком уровне всеобщий доступ в Интернет был рассмотрен с позиций фундаментальных прав человека. «...Обеспечение всеобщего доступа к Интернету должно быть приоритетом для всех государств, – говорилось в Докладе. – В этой связи всем

государствам следует разработать конкретную и эффективную политику... чтобы позволить всем слоям общества на практике активно и недорого пользоваться Интернетом» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 85). Специальный докладчик ООН Франк Ла Рю призвал государства «как можно меньше ограничивать распространение информации через Интернет, за исключением отдельных, исключительных и ограниченных обстоятельств, предусмотренных международным правом прав человека» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 58).

Вскоре после публикации Доклада в «Wired Magazine»¹ вышла статья под заголовком «Доклад ООН признал доступ в Интернет правом человека». Затем под схожими заголовками появились публикации в ряде русскоязычных средств массовой информации² и даже на официальном сайте профильного федерального министерства³. В действительности ни о каком признании права на доступ в Интернет в качестве нового (тем более «неотъемлемого») права человека в Докладе не говорилось. Тем не менее сама попытка рассмотреть доступ к Глобальной сети сквозь призму международного права прав человека и лежащих в его основе принципов равенства и справедливости во многом определила тренды академической дискуссии последующего десятилетия. Правоведы все чаще стали задаваться вопросом о том, можно ли называть доступ в Интернет «правом человека», и если да, то можно ли его ставить в один ряд с другими признанными фундаментальными правами.

В научной литературе встречается как оптимистичный взгляд на доступ в Интернет как на зарождающееся «новое фундаментальное право» (Талапина 2016; Хуснутдинов 2017; Щербович 2015а), так и более сдержанная точка зрения, согласно которой говорить о праве на доступ в Интернет как о самостоятельном явлении пока преждевременно, поскольку для этого отсутствуют как юридические, так и политико-идеологические основания (Tully 2014; Szoszkiewicz 2018; Максимов 2019).

Всякому субъективному праву (то есть мере возможного поведения индивида, признаваемой и обеспечиваемой государством посредством законодательно установленной системы гарантий) присущи как минимум два обязательных атрибута: собственное юридическое содержание (набор определенных правомочий – дозволяемых действий, которые может осуществлять субъект, использующий данное право) и собственный механизм реализации (набор гарантий, обеспечивающих достижение

¹ U.N. Report Declares Internet Access a Human Right. URL: <https://www.wired.com/2011/06/internet-a-human-right/> (дата обращения: 30.04.2021).

² См., напр.: ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым. URL: <https://rg.ru/2011/06/07/oon-site-anons.html>; ООН признала доступ в Интернет неотъемлемым правом человека. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1747166> (дата обращения: 30.04.2021).

³ ООН провозгласила свободный доступ к Интернету одним из пунктов перечня фундаментальных прав человека. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/27964/> (дата обращения: 30.04.2021).

желаемого результата осуществления права всяким заинтересованным субъектом). Поэтому для того, чтобы ответить на вопрос, можно ли рассматривать доступ в Интернет как отдельное субъективное право человека, необходимо установить наличие у него этих атрибутов. При этом очевидно, что юридические аспекты доступа в Интернет не могут быть осмыслены вне международно-правового и идейного контекста, в котором разрабатывался Доклад Франка Ла Рю и другие документы, посвященные регулированию данного вопроса, а также инициатив, которые были реализованы отдельными государствами в национальном законодательстве и правоприменительной практике.

1. Идейные основания права на доступ к сети Интернет

Джон Пенни в работе, содержащей развернутый анализ предложенной в Докладе Франка Ла Рю концепции права на доступ в Интернет (Penney 2011), выделяет три основных интеллектуальных течения, оказавших влияние на формирование данной концепции. Это доктрина *free flow, киберлибертарианство* и доктрина *New World Information and Communication Order* (далее – доктрина NWICO).

Доктрина free flow («свободного потока» информации) была выдвинута Соединенными Штатами Америки и их западноевропейскими союзниками после Второй мировой войны. Ее суть состояла в признании и максимальной поддержке свободного и неограниченного обмена информацией по всему миру. Свободный информационный обмен через государственные границы рассматривался в то время как инструмент нивелирования военной пропаганды со стороны правительств ряда стран. Государственная пропаганда, по замыслу авторов идеи, должна была утратить эффективность, растворившись в потоке свободно обращающейся разноплановой и разнонаправленной информации. Утилитарное значение *free flow* заключалось в преодолении установленных отдельными странами в условиях военного времени ограничений на вещание зарубежных радиостанций.

Доктрина нашла поддержку в ООН и легла в основу информационных прав и свобод человека, получивших закрепление в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (далее – ВДПЧ), а спустя почти два десятилетия – в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП). В ст. 19 ВДПЧ гарантируется право каждого человека на свободу убеждений и их свободное выражение «независимо от государственных границ». Неотъемлемым элементом указанного права была провозглашена «свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами» (Всеобщая декларация..., 1948: ст. 19).

Технологии Интернета создали беспрецедентные возможности для мгновенного обмена большими объемами информации во всем мире. В отличие от прессы, телевидения и радиовещания, где существует четкое разделение на тех, кто создает и распространяет массовую информацию, и тех, кто ее потребляет, современный Интернет и лежащая в его основе

сетевая архитектура *Web 2.0* стирают грань между первыми и вторыми. Каждый интернет-пользователь способен выступать не только пассивным получателем информации, но и ее активным производителем и распространителем. Поэтому Интернет стал практически идеальной средой для воплощения идеи *free flow* в том виде, в каком она получила закрепление в основополагающих международных документах о правах человека. В результате свободный и равный доступ каждого человека в Интернет становится действительно важной гарантией реализации свободы выражения мнения и права на информацию, что констатируется в п. 19 и 20 Доклада Франка Ла Рю.

Киберлибертарианство («сетевое либертарианство») возникло в последнее десятилетие XX в. в среде идеологов «свободного Интернета» – преимущественно американских правоведов и политических философов (Дж. Барлоу, Э. Тоффлер, Л. Лессиг, Й. Бенклер и др.), ставших первопроходцами в осмыслении глобального цифрового мира и роли прав человека в нем. Восприняв ключевые идеи доктрины *free flow* и соединив их с либертарными политическими взглядами, киберлибертарианцы предложили рассматривать Интернет в качестве полностью свободного от государственного вмешательства пространства, где ограничения должны быть минимальными и устанавливаться посредством саморегулирования. Полная свобода Интернета от государства и государственного регулирования – постулат, занимающий центральное место в рассматриваемой интеллектуальной традиции. Важным компонентом зарождающейся на основе Интернета глобальной культуры, по мнению киберлибертарианцев, должна стать возможность и свобода каждого человека связываться с любым другим человеком в любое время, в любом месте и по любому поводу (Penney 2011: 16-17). Известный киберлибертарианец Дж. Барлоу в опубликованном в 1996 г. программном документе под названием «Декларация независимости Киберпространства» отмечал, что киберпространство – это «мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения... где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения... не испытывая страха, что его принудят к молчанию или согласию с мнением большинства» (здесь и далее перевод наш. – *Авт.*)¹.

Для киберлибертарианцев доступ в Интернет – это не просто возможность свободного обмена мнениями и идеями. Это путь к свободе от принуждения, свободе от государства. Право на доступ в Интернет трактуется ими как право каждого человека стать частью создаваемого цифрового общества и пользоваться его благами (Frosini 2014: 7-8). Такая интерпретация созвучна идеям американского социального философа Дж. Рифкина, заметившего в своем исследовании о праве собственности, что в современной экономике доступ к активам стал важнее, чем владение ими (Rifkin 2000).

¹Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 30.04.2021).

При всей спорности новаторских, но довольно радикальных идей киберлибертарианцев (большинство из которых ожидаемо не нашли широкой поддержки правительством и международных организаций) необходимо согласиться с их тезисом о том, что доступ в Интернет сегодня значит для человека гораздо больше, чем просто получение еще одного средства коммуникации. Интернет открывает доступ к огромному массиву знаний и идей, к инфраструктуре глобальной коммуникации, к услугам, оказываемым государственными учреждениями и частными компаниями. Интернет заложил основу для формирования глобального информационного общества. Данный аспект права на доступ в Интернет не остался незамеченным в Докладе Франка Ла Рю: «Интернет, значительно расширяя возможности людей осуществлять свое право на свободу мнений и их свободное выражение, служит “активизатором” других прав человека, содействует экономическому, социальному и политическому развитию, а также развитию человечества в целом» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 67).

Доктрина NWICO («Новый мировой информационный и коммуникационный порядок») – третья доктрина, оказавшая влияние на развитие концепции права на доступ в Интернет. Она была сформулирована на рубеже 1970–1980–х гг. в документах ЮНЕСКО, в частности в Докладе Комиссии Макбрайда 1980 г., как альтернатива *free flow*. К тому времени реализация принципа свободного обмена информацией стала вызывать все большие возражения со стороны стран третьего мира, особенно после получения независимости африканскими государствами. Причиной была непропорциональность информационных потоков: основная часть массовой информации шла в одном направлении – с Запада на Восток. Она распространялась влиятельными телерадиокомпаниями США и ряда западноевропейских стран, располагавшими широкой корреспондентской сетью и доступом к развитой вещательной инфраструктуре, в том числе к средствам спутникового вещания, позволявшего покрывать сигналом весь мир. Плюрализм мнений и идей на деле оборачивался монополией крупных игроков глобального медиарынка.

Доктрина NWICO хотя и признавала важность права на коммуникацию, свободы выражения мнений и плюрализма идей, но отвергала возможность неограниченного информационного обмена (Penney 2011: 35). В Докладе Макбрайда акцент был сделан на преодолении неравенства в области информации и коммуникации, устранении негативных эффектов от монополизации и сверхконцентрации в данной сфере, поддержке развивающихся стран в их стремлении развивать собственную информационно-коммуникационную инфраструктуру, уважении культурной идентичности народов (Виноградова, Мельник 2012: 240).

Появление Интернета сыграло двоякую роль в преодолении дисбаланса информационных потоков. С одной стороны, его широкое распространение в ряде стран и регионов позволило устранить монополию традиционных производителей массовой информации и расширить возможности свободного распространения взглядов, мнений и

идей. С другой стороны, технологическое отставание отдельных стран и концентрация значительной части интернет-инфраструктуры и поставщиков интернет-сервисов в Соединенных Штатах Америки обусловили возникновение цифрового разрыва между государствами и между различными слоями населения. В Докладе Франка Ла Рю было высказано опасение, что «без доступа к Интернету... маргинальные группы и развивающиеся страны становятся заложниками своего неблагоприятного положения, что усугубляет неравенство внутри государств и между ними» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 62).

Но и там, где Интернет получил широкое распространение, последствия развития информационных технологий также оказались не столь однозначными. Сыграв ведущую роль в преодолении монополии традиционных элит на распространение информации в странах Ближнего Востока, Интернет стал катализатором начавшейся в 2011 г. серии массовых беспорядков и попыток государственных переворотов («арабской весны»). Примечательно, что мобилизация протестной активности населения осуществлялась в основном через интернет-ресурсы (социальные сети, блог-платформы), управляемые компаниями, зарегистрированными в США, на фоне быстрого роста числа пользователей этих ресурсов (Шишкина, Исаев 2019: 44-60). Ответом правительств ряда стран (в основном тех, где действовали авторитарные режимы) стало массовое отключение Интернета и блокирование доступа к крупным иностранным интернет-сервисам и платформам. События «арабской весны» также получили отражение в Докладе Франка Ла Рю (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 2, 30), а в п. 79 данного документа Специальный докладчик прямо призвал все государства «обеспечивать постоянный доступ к Интернету, в том числе в период политических волнений».

Итак, перечисленные интеллектуальные традиции послужили идейным базисом современной концепции права на доступ в Интернет, оказав влияние (каждая в определенной мере) на подходы, сформировавшиеся в международном праве, а также в отдельных национальных правовых системах.

2. Доступ в Интернет в современном международном праве: право человека или условие реализации человеком своих прав?

Доклад Франка Ла Рю 2011 г. не был первым международным документом, констатировавшим важность доступа в Интернет для реализации прав человека. С начала 2000-х гг. в международную политическую и правовую повестку начинает активно проникать тема построения глобального информационного общества. Всеобщий и свободный доступ каждого человека к Интернету ожидаемо стал рассматриваться в качестве его неотъемлемого условия. Декларация тысячелетия ООН 2000 г. закрепила обязательство государств «принять меры к тому, чтобы все могли пользоваться благами новых технологий, особенно информационных и коммуникационных технологий» (Декларация тысячелетия...,

2000). В том же году главами государств и правительств «Большой восьмерки» (G8) была принята Окинавская хартия глобального информационного общества. Данный документ, как и Декларация тысячелетия, не имеет силы международного договора и является скорее политической программой, однако отражает стремление государств к тому, чтобы все люди повсеместно имели возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества. В числе направлений стимулирования перехода к информационному обществу Хартия назвала «разработку информационных сетей, обеспечивающих быстрый, надежный, безопасный и экономичный доступ с помощью конкурентных рыночных условий и соответствующих нововведений к сетевым технологиям, их обслуживанию и применению» (Окинавская хартия..., 2000). Пункт 10 Хартии декларирует, что возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям должен иметь каждый человек.

По итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, состоявшейся в декабре 2003 г. в Женеве и организованной ООН и Международным союзом электросвязи, была принята Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». Документ провозгласил в качестве «необходимого фундамента информационного общества» право каждого человека на свободу убеждений и на свободное их выражение (п. 4), а в числе «главных факторов построения информационного общества» назвал «обеспечение подключения» (п. 19(2), указав на то, что «предоставление универсального, повсеместного, справедливого и приемлемого в ценовом отношении доступа к инфраструктуре ИКТ (информационно-телекоммуникационных технологий. – Авт.) и услугам на базе ИКТ составляет одну из задач информационного общества и должно стать целью всех заинтересованных сторон, участвующих в его построении» (Декларация принципов..., 2003). Заметим, что п. 9 Декларации подчеркивает: информационно-коммуникационные технологии должны рассматриваться именно как инструмент, но не как самоцель.

Вопросы обеспечения доступа в Интернет нашли отражение в документах не только ООН, но и других международных организаций. 15 октября 2003 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла Рекомендацию о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству (Рекомендация о развитии..., 2003). Согласно п. 6 Рекомендации «государствам-членам и международным организациям следует признать и оказывать поддержку всеобщему доступу к Интернету в качестве одного из средств содействия осуществлению прав человека, указанных в статьях 19 и 27 Всеобщей декларации прав человека» (последняя из названных статей гарантирует право каждого человека участвовать в культурной жизни, в научном прогрессе и пользоваться их благами). Согласно Решению № 633 Постоянного совета ОБСЕ от 7 декабря 2004 г. «государствам-участникам следует предпринять меры к тому, чтобы Интернет оставался открытым и общедоступным форумом, обеспечивающим свободу мнений и свободу выражения, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека,

и способствовать расширению доступа в Интернет как через домашние подключения, так и через учебные заведения»¹. Среди документов Совета Европы следует выделить Декларацию Комитета министров СМ(2005)56 «Права человека и верховенство закона в информационном обществе»² и рекомендации Комитета министров СМ/Rec(2007)16 «О мерах по повышению ценности Интернета как общественной службы»³ и СМ/Rec(2008)6 «О мерах по поощрению и соблюдению свободы самовыражения и информации, касающихся интернет-фильтров»⁴.

Практически все международные документы (включая Доклад Франка Ла Рю) избегают называть доступ в Интернет правом человека и определяют его как условие или средство реализации индивидами своих прав и свобод. В них «речь идет не о том, чтобы закрепить... право на доступ в Интернет, а лишь о том, чтобы расширить возможности Интернета как средства реализации конституционных прав» (Щербович 2015b: 47). На этом фоне выделяется позиция Европейского суда по правам человека, который рассуждает о доступе в Интернет именно как о субъективном праве. В 2012 г. в решении по делу «Ахмет Йылдырым против Турции»⁵ он пришел к выводу, что право на доступ в Интернет защищается конституционными гарантиями, применимыми к праву на свободу выражения мнения и свободу получения идей и информации, и считается неотъемлемой частью указанного права. Суд не провозгласил право на доступ в Интернет в качестве нового фундаментального права человека, а вывел его из свободы выражения мнения (Конвенция о защите прав..., 1950: ст. 10) в качестве производного права: «Из общих гарантий, защищающих свободу выражения мнения, можно заключить, что должно быть признано и право на беспрепятственный доступ к Интернету»⁶. В более позднем решении Европейский суд по правам человека отметил: «Доступ к Интернету все более признается как право, и были озвучены призывы развивать эффективные политики для обеспечения всемирного доступа к Интернету и для преодоления «цифрового разрыва»» (Постановление..., 2016).

Как видно из приведенного обзора документов, свобода выражения мнений и право на информацию являются юридическим стержнем, вокруг которого строится международно-правовая концепция доступа к Интернету (как и концепция глобального информационного общества). В числе международно-правовых оснований доступа к Интернету следовало бы рассматривать и подп. «b» п. 1 ст. 15 Международного пакта об экономиче-

¹ Интернет: сохранение свободы Глобальной сети. Информация Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/0/194886.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

² URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805dala0

³ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31245646&pos=2;-106#pos=2;-106

⁴ URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805d3c4a

⁵ ECtHR Decision Ahmet Yildirim v. Turkey. 18 Dec. 2012 // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 6.

⁶ Там же.

ских, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП), закрепляющий право каждого человека на пользование результатами научного прогресса и их практического применения (Szozzkiewicz 2018: 57-58). Однако этот аспект доступа к Глобальной сети пока не получил должного осмысления ни в документах международных организаций, ни в доктрине.

Вместе с тем в международных актах подчеркивается позитивная роль доступа в Интернет для реализации не только свободы выражения мнений и права на информацию, но и других прав человека. В Совместной декларации 2011 г. «О свободе выражения мнения в Интернете», подписанной Франком Ла Рю со стороны ООН, а также специальными докладчиками по свободе выражения мнений Организации американских государств и Африканской комиссии по правам человека и народов и представителем ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, провозглашалось, что доступ в Интернет следует рассматривать как гарантию соблюдения не только свободы выражения мнений, но и других прав – на здравоохранение, на труд, на свободу собраний и ассоциаций, на свободные выборы и т.д. (Совместная декларация о свободе..., 2011: п. 6 (а). В Докладе Франка Ла Рю Интернет назван также важным образовательным инструментом и подчеркнуто, что «преимущества в сфере образования, которые получают пользователи Интернета, напрямую способствуют развитию человеческого потенциала государств» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 62).

Значимость доступа в Интернет для реализации широкого круга прав человека получила подтверждение в Резолюции Совета по правам человека ООН от 27 июня 2016 г., указавшей на важность «применения правозащитного подхода в обеспечении и расширении доступа к Интернету» (Резолюция Совета..., 2016). Заметим, что Совет по правам человека, декларируя «правозащитный подход», в то же время вновь воздержался от квалификации доступа в Интернет в качестве права человека. Вероятной причиной этого является отсутствие единого понимания содержания указанного права в законодательстве различных государств.

3. Право на доступ в Интернет в законодательстве иностранных государств

Некоторые государства, в отличие от международных организаций, пошли по пути прямого или косвенного признания в своем законодательстве права на доступ в Интернет. А.С. Шатилина, анализируя подходы различных стран, группирует их следующим образом:

- признание права на доступ в Интернет в составе права на информацию и связь, которое гарантируется Конституцией (Кипр, Эстония, Грузия, Греция, Португалия, Украина; данный автор относит к этой группе стран и Россию);
- закрепление права на доступ в Интернет в специальном законодательстве, как правило, в законах о телекоммуникациях (Албания, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Черногория, Испания, Турция, Туркменистан) (Шатилина 2018).

Отметим также, что не существует единообразия источников, в которых закрепляется право на доступ в Интернет. В одних странах такое право может быть прямо зафиксировано в законодательных актах, в других – вытекать из толкования правоприменительных органов, прежде всего судов. Наконец, в нескольких государствах намеки на существование этого права можно найти непосредственно в конституциях. Между тем конкретный способ нормативной фиксации права носит во многом юридико-технический характер. Более важным представляется то, как гарантированы со стороны государства возможности доступа в Интернет, а также то, какой объем правомочий, то есть конкретных гарантированных возможностей человека действовать тем или иным образом, входит в состав данного права. Обзор, который мы приведем ниже, не претендует на статус исчерпывающего, он лишь преследует цель продемонстрировать разнообразие подходов, складывающихся в правовых системах различных стран.

Одним из первых государств право на доступ в Интернет в качестве «права, необходимого для жизни в 21-м веке», провозгласила в 2000 г. Эстония (Tully 2014: 178). Несмотря на то, что первоначально единственной гарантией указанного права была организация центров доступа в Интернет в библиотеках, эстонскому правительству в дальнейшем удалось реализовать ряд инициатив, позволивших создать систему электронного государства *e-Estonia* («электронная Эстония»), действие которой сегодня выходит далеко за пределы традиционного инструментария реализации гражданами свободы выражения мнений и права на информацию (Хуснутдинов 2017: 115). На официальном сайте системы Эстония названа первым в мире государством, действующим в виде электронной услуги, где цифровые сервисы позволяют как гражданам страны, так и иностранцам «создать через интернет предприятие, ставить на документах цифровую подпись и посылать документы в зашифрованном виде, осуществлять в интернет-банке безопасные сделки и подавать декларацию о доходах в электронном виде»¹.

В Италии Кодекс цифровой администрации, утвержденный в 2005 г. законодательным декретом № 82/2005, ввел понятие «статус цифрового гражданина», означающее обязанность всех органов и должностных лиц взаимодействовать с гражданами республики в электронной форме, если они того пожелают. Ранее в Италии был принят Закон № 4/2004, установивший гарантии доступа инвалидов к компьютерным системам и сервисам, предоставляемым посредством таких систем. В ст. 1 данного закона, провозглашавшей право на доступ в Интернет, такое право определялось (со ссылкой на ст. 3 Конституции Италии) как инструмент достижения равенства между гражданами. Тренд на цифровизацию государственного управления был поддержан и Конституционным судом Италии, отметившим в Решении № 307 (2004), что «общий интерес, особенно в сфере культурного развития, достигается посредством циф-

¹E-Estonia. URL: <https://estonia.ee/> (дата обращения: 30.04.2021).

ровых инструментов, которые Италия должна стремиться использовать на всех уровнях» (Frosini 2014: 8-9).

Еще одной страной, где право на доступ в Интернет закреплено нормативно, является Финляндия. В 2009 г. Министерство транспорта и коммуникаций этого государства издало Указ № 732/2009, согласно которому все должны быть подключены к Интернету, работающему со скоростью не менее 1 мегабита в секунду. Первой же европейской страной, разработавшей стратегию развития широкополосной связи, в 1999 г. стала Швеция.

В ряде стран право на доступ в Интернет, даже не будучи закрепленным в законодательстве, получило поддержку со стороны судов и органов конституционного контроля. Конституционный совет Франции в решении от 10 июня 2009 г. отметил, что, «принимая во внимание развитие сервисов публичных онлайн-коммуникаций и их значение для демократического участия и свободного выражения идей и мнений, данное право [на свободное выражение идей и мнений] предполагает свободный доступ к указанным сервисам» (Constitutional Council..., 2009). В схожем ключе высказался в 2013 г. Федеральный суд ФРГ, отметивший, что Интернет играет важную роль в жизни большинства граждан и его отсутствие сказывается на их повседневной деятельности¹.

О признании доступа в Интернет в качестве отдельного права высказались органы конституционного контроля и ряда стран за пределами Европейского континента. «В контексте общества, базирующегося на информации или знаниях, на органы публичной власти возлагается обязанность гарантировать всем, кто находится под их юрисдикцией, всеобщий доступ к новым технологиям и содействовать в получении такого доступа», – говорится в одном из решений Конституционного суда Коста-Рики (Sentencia 12790...). Подход к юридической оценке доступа в Интернет в контексте прав человека был поддержан в 2020 г. и Верховным судом Индии, рассматривавшим дело об отключении от Интернета летом 2019 г. территории бывшего штата Джамму и Кашмир в целях подавления протестов. В таком отключении суд усмотрел нарушение прав человека, гарантированных ст. 19 Конституции страны, в частности права на свободу слова и выражение мнения и права «практиковать любую профессию или иметь любое занятие»². Суд отметил, что решение об ограничении доступа в Интернет должно быть опубликовано и подлежать судебному контролю, не может приниматься на неопределенный срок, а сама данная мера должна быть необходимой

¹ Internet access declared a basic right in Germany. URL: <https://www.dw.com/en/internet-access-declared-a-basic-right-in-germany/a-16553916> (дата обращения: 30.04.2021).

² Access to internet is a fundamental right, says Supreme Court. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/access-to-internet-is-a-fundamental-right-says-supreme-court/story-miomQARGJTy7Cz1WPazENI.html> (дата обращения: 30.04.2021).

³ Ibid.

и неизбежной, при этом мнение должностного лица, принимающего такое решение, само по себе еще не свидетельствует о существовании необходимости. В сентябре 2019 г. Высший суд индийского штата Керала – первым в стране – отнес право на доступ в Интернет к правам человека. Примечательно, что данное право суд рассматривал в качестве составной части права на образование, а также права на личную свободу, закрепленного в ст. 21 Конституции Индии⁵.

В числе государств, где право на доступ в Интернет признано (хотя и в подразумеваемом виде) на конституционном уровне, следует назвать Грецию. Конституция Греции была дополнена ст. 5А, провозгласившей право каждого «участвовать в информационном обществе». С этой целью государство приняло на себя обязанность «содействовать доступу к передаваемой в электронной форме информации, а также производству, передаче и распространению такой информации». Из неевропейских стран можно выделить Непал. В отличие от Конституции Греции, предусматривающей позитивные обязательства государства, непальская Конституция содержит негативные гарантии: запрет закрытия интернет-ресурсов или других видов цифровых или электронных средств в связи с произведенными публикациями закреплялся в ст. 15 Переходной конституции Непала 2007 г. (Переходная Конституция Непала, 2007), затем это положение было перенесено в ст. 19 Конституции 2015 г.

Приведенный обзор позволяет заключить, что в национальных законодательствах и практике судов разных государств в понятие «доступ в Интернет» вкладывается различное юридическое содержание. В каждом конкретном случае закрепление или признание данного права (явное или подразумеваемое) остается ситуативным, оно преследует разные цели и обеспечивается существенно различающимся набором гарантий. По этой причине в литературе высказывается мнение, что в настоящее время затруднительно определить содержание права на доступ в Интернет, которое носило бы в достаточной степени универсальный характер и было бы в целом удовлетворительным с точки зрения как международного права, так и национальных правовых систем (Tully 2014: 180).

4. Юридическое содержание права на доступ к сети Интернет

Несмотря на разнообразие подходов в национальных законодательствах к праву на доступ к сети Интернет, вполне возможно попытаться сформулировать его научно-теоретическое объяснение. Если предположить существование права на доступ к сети Интернет в качестве отдельного субъективного права, то оно, как отмечалось выше, должно обладать собственным юридическим содержанием, а также механизмом реализации.

И. Левова, Г. Шуклин и Д. Винник (Левова 2013: 37), выступая в пользу существования права на доступ в Интернет, выделяют следующие элементы, образующие его юридическое содержание:

– беспрепятственный доступ к технологическим возможностям, предоставляемым Интернетом;

- свобода выбора и использования программного обеспечения и технических устройств для доступа в Интернет;
- соблюдение принципов сетевой нейтральности;
- запрет дискриминации трафика или ухудшения качества услуг;
- запрет ограничений на получение или отправление законного контента, приложений, сервисов;
- запрет необоснованного блокирования информации или сервисов;
- наличие доступа в Интернет в общественных местах и при помощи мобильных устройств.

В целом схожие точки зрения на содержание права на доступ в Интернет выдвигаются и другими авторами (Талапина 2016; Хуснутдинов 2017).

В Докладе Франка Ла Рю было выделено два аспекта доступа в Интернет:

- доступ к «онлайновому контенту» без каких-либо ограничений, за исключением нескольких отдельных случаев, допустимых в соответствии с международным правом прав человека;
- наличие необходимой инфраструктуры и информационно-телекоммуникационных технологий для доступа в Интернет в целом (кабели, модемы, компьютеры и программное обеспечение).

Если соотнести эти два аспекта доступа в Интернет с перечисленными выше элементами права на доступ в Интернет, то получим два основных направления, в которых реализуется данное право:

1. Доступ к интернет-инфраструктуре, или *право на вход*;
2. Доступ к контенту, создаваемому или распространяемому в Интернете, или, другими словами, *право на коммуникацию* в предельно широком смысле (включая как право искать и получать контент, так и право создавать и передавать его определенному лицу или всем интернет-пользователям).

В каждом из направлений можно выделить ряд отдельных правомочий, то есть возможностей индивидов – носителей субъективного права – действовать тем или иным образом. Правомочия представляют собой более частные, конкретизированные права. Так, доступ субъекта к интернет-инфраструктуре предполагает наличие у него таких прав, как:

- право владения и пользования электронными устройствами для выхода в Интернет (в том числе выбора устройства) либо право доступа к таким устройствам по разумной цене и без дискриминации;
- право на присоединение к инфраструктуре Интернета посредством доступа к услугам провайдера связи по разумной цене и без дискриминации;
- право выбора и свободного использования правомерно распространяемого программного обеспечения для осуществления электронных коммуникаций;
- право на личную безопасность, сохранение неприкосновенности частной жизни, на сохранение человеком личной, семейной и иной

тайны, а также тайны корреспонденции в ходе электронных коммуникаций (поскольку реализация доступа в Интернет не должна быть сопряжена с ограничением данных прав, они должны реализовываться и защищаться таким же образом, что и в офлайн-среде, в том числе при использовании центров коллективного доступа или публичных сетей связи).

Доступ к контенту, создаваемому или распространяемому посредством Интернета, реализуется за счет следующих основных правомочий:

– свободно искать и получать информацию, правомерно распространяемую в Интернете;

– создавать и распространять информацию в Интернете при условии соблюдения установленных ограничений, отвечающих международным стандартам в области прав человека, без дискриминации и без риска необоснованных преследований за распространяемые в Интернете мнения или идеи;

– участвовать в частных электронных коммуникациях (один на один либо с заранее определенным кругом людей) посредством сервисов электронной почты, видеоконференций, мессенджеров и т.д., с сохранением тайны корреспонденции и неприкосновенности частной жизни (по крайней мере с тем же уровнем гарантий, что и при традиционных коммуникациях без использования компьютерных сетей);

– право на «цифровую идентичность», включая право человека определенным образом определять себя в сети Интернет, выступать в электронных коммуникациях под своим именем (в том числе в случаях, когда такая обязанность предусмотрена законом), под псевдонимом или анонимно.

Таким образом, можно констатировать наличие у права на доступ в Интернет собственного юридического содержания, заключающегося в наборе правомочий индивидов. Однако позволяет ли перечисленный набор правомочий отнести право на доступ в Интернет к числу фундаментальных прав человека, поставив его в один ряд с другими общепризнанными правами и свободами?

Вопрос отнесения того или иного субъективного права к разряду фундаментальных весьма непросто и заслуживает отдельного обсуждения. Не всякое субъективное право человека является фундаментальным. Закрепление международного каталога прав человека в ВДПЧ и затем в пактах о правах человека явилось результатом длительных дискуссий и сложных компромиссов. Оставляя за рамками статьи исследование всех критериев, позволяющих отличить фундаментальные права человека от всех остальных прав (тем более что перечня таких критериев, который носил бы общепризнанный или исчерпывающий характер, не существует), назовем лишь три, которых, на наш взгляд, достаточно для решения поставленной задачи. Это – универсальность, неповторимость (несводимость) и минимальность.

Первый критерий – *универсальность*, или *всеобщность*. Любое фундаментальное право является универсальным постольку, поскольку оно в равной мере присуще всем людям и в любой точке мира имеет одина-

ковое для всех юридическое содержание (Азаров 1995: 25-26). Вместе с тем, как видно из приведенного выше обзора, между государствами отсутствует консенсус в понимании того, какой объем правомочий субъектов должен включаться в право на доступ в Интернет и каким образом оно должно гарантироваться. Предложенный нами перечень правомочий носит во многом теоретический характер, при том что далеко не во всех странах реализация каждым человеком всех или даже части этих правомочий может быть обеспечена в полной мере (к этой проблеме мы вернемся в следующем разделе статьи).

Немаловажный аспект универсальности фундаментальных прав человека состоит в том, что каждое из них рассматривается как «вечное», то есть присущее каждому человеку во всякое время в силу его природы. Фундаментальные права действуют безотносительно к уровню технологического развития общества, к экономическому благополучию государства или жизненному укладу того или иного коллектива (хотя в отношении социальных и экономических прав по этому поводу еще идет дискуссия). Обладает ли право на доступ в Интернет признаком универсальности во времени? По мнению Винтона Серфа, которого называют одним из создателей Интернета (он один из разработчиков интернет-протокола TCP/IP), Глобальная сеть является лишь технологическим средством, с существованием которого нельзя связывать наличие или отсутствие фундаментальных прав. Интернет появился в определенный исторический момент, и в какой-то момент ему на смену придет что-то другое. Серф сравнил Интернет с лошадью: когда-то человеку было тяжело без лошади, но ведь это не означало, что необходимо признать право человека на лошадь (см.: Щербович 2015b: 45). Серф справедливо отмечает, что права человека «не должны быть связаны с какой-то определенной технологией, существующей в определенный промежуток времени», поскольку «технология – это то, что способствует реализации права, но не само право»¹. Схожая позиция была высказана и российскими учеными (Арановский и др. 2012: 86). Итак, можно сделать вывод, что право на доступ в Интернет имеет прикладное, инструментальное значение, а его действие ограничено определенным этапом развития человеческой цивилизации. Следовательно, данное право не обладает критерием универсальности во времени.

Второй критерий – *неповторимость*. Всякое фундаментальное право, будучи взаимосвязанным с другими правами, не является следствием из другого фундаментального права и не сводится к правомочиям, реализуемым в рамках других фундаментальных прав. Оно сохраняет собственное неповторимое юридическое содержание. Однако юридическое содержание права на доступ в Интернет не обладает признаком неповторимости, поскольку все составляющие его правомочия

¹ Cerf V. Internet Access is Not a Human Right. URL: https://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html?_r=2&pagewanted=all (дата обращения: 30.04.2021).

полностью охватываются другими правами человека, признаваемыми на международном уровне. Так, «право на вход» включает в себя правомочия, восходящие к таким правам, как право на равенство, право на информацию, право собственности, право на неприкосновенность частной жизни, право на личную безопасность и т.д. Даже сравнительно новое право на присоединение к инфраструктуре Интернета может быть осмыслено как синтез права на информацию (ст. 19 МПГПП), права пользоваться достижениями технического прогресса (ст. 15 МПЭСКП) и права на жизненный уровень, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния (ст. 25 ВДПЧ). «Право на коммуникацию» сводится к реализации комплекса таких традиционных фундаментальных прав, как свобода выражения мнения, право на информацию, право на тайну корреспонденции и телефонных переговоров, право на образование, право на участие в культурной жизни, право на труд, право на отдых и досуг, право на участие в управлении публичными делами и т.д.

Безусловно, реализация традиционных прав в Интернете обладает спецификой по сравнению с офлайн-пространством. Однако само по себе право на доступ в Интернет не привносит в каталог фундаментальных прав человека какого бы то ни было качественно нового содержания, которое не вытекало бы из существующих прав и свобод. Право на доступ в Интернет может быть выведено из других фундаментальных прав, а его юридическое содержание представляет собой синтез правомочий, образующих эти права. Таким образом, оно может быть охарактеризовано как производное, или синтетическое право.

Идея производных прав человека, возникающих на стыке различных фундаментальных прав и конкретизирующих их содержание, не нова. В этом отношении право на доступ в Интернет можно сравнить с правом на питьевую воду, исключительно важным для многих стран Азии и Африки и гарантируемым их конституциями (Щербович 2015а: 62). Несмотря на то что право человека на воду было прямо признано Генеральной Ассамблеей ООН¹, оно не рассматривается в качестве фундаментального, поскольку является производным от права на достойный уровень жизни, права на равенство и запрета дискриминации. Другой пример: свобода печати (пусть она даже прямо упоминается в ст. 19 МПГПП и других международных документах в одном ряду с фундаментальными правами) является не самостоятельным правом, а производным от права на свободу выражения мнения, его конкретизацией, частным случаем (Mathiesen 2012: 13-14).

Третий критерий – *минимальность*. К фундаментальным, по мнению Майкла Игнатьева, относятся права, «без реализации которых жизнь вообще невозможна» (Игнатьев 2019: 128). Универсализм присущ правам человека лишь постольку, поскольку является «нарочито мини-

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июля 2010 г. № 64/292 «Право человека на воду и санитария» (A/RES/64/292). URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/64/292> (дата обращения: 30.04.2021).

малистским» (Игнатъев 2019: 90). Тенденция же к «инфляции прав», то есть определения в качестве права «всего желаемого и манящего», неизбежно приведет к подрыву сущностного ядра прав человека, подлежащих защите. Признание на международном уровне права на доступ в Интернет в качестве нового базового права человека способно привести к девальвации не только данного права, но и ценности прав человека как таковых, поскольку далеко не все государства способны обеспечить своим жителям нормальные условия для реализации «права на вход» (Максимов 2019: 59). В результате право на доступ в Интернет рискует стать декларируемым, но не реализуемым в полной мере. Кроме того, соглашаясь с важностью доступа в Интернет в современном мире, мы, однако, не можем утверждать, что жизнь без Интернета невозможна. Поэтому необходимо констатировать, что право на доступ в Интернет не отвечает и данному критерию фундаментальных прав человека.

Итак, можно утверждать о наличии у права на доступ в Интернет собственного юридического содержания как неотъемлемого атрибута всякого субъективного права. Вместе с тем оно не позволяет рассуждать о праве на доступ в Интернет как о праве фундаментальном и характеризует его как право синтетическое, то есть производное от признанных международным сообществом фундаментальных прав и свобод.

В заключительном разделе статьи мы исследуем механизм реализации права на доступ в Интернет – второй обязательный атрибут всякого субъективного права.

5. Механизм реализации права на доступ в Интернет

Механизм реализации любого субъективного права должен рассматриваться в контексте самых разных факторов политического, экономического, нравственного, организационно-технического, социально-психологического и иного порядка. Именно эти факторы определяют процесс реализации прав и свобод, и от них зависит результат такой реализации: «Реализация детерминируется развитостью экономики, политической стабильностью, благосостоянием населения, эффективностью работы правоохранительных структур, уровнем правовой культуры соответствующих должностных лиц и другими различными по характеру и значимости явлениями и факторами» (Рудинский 2010: 487–488). Раскрывая механизм реализации всякого субъективного права, И.В. Ростовщиков пишет, что его составными элементами являются социально обусловленная и законодательно предусмотренная возможность поведения самого субъекта, носителя прав, в сочетании с гарантирующими действиями обязанных лиц и других субъектов с целью получения заинтересованной личностью определенного блага, опосредованного правом (свободой) (см.: Рудинский 2010: 487-507).

Соглашаясь с подобным подходом, В.А. Лебедев понимает под реализацией прав и свобод правомерную положительную деятельность человека, гражданина, направленную на практическое использование

предусмотренных правовыми нормами возможностей, в результате чего такой индивид получает разнообразные материальные, духовные и иные блага для удовлетворения прежде всего личных и в известной мере общественных интересов и потребностей (Лебедев 2005: 143).

Любое субъективное право человека может быть осмыслено как возможность удовлетворения потребностей и достижения личных, материальных, духовных и иных благ (Рудинский 2009: 18). В связи с этим под реализацией субъективного права (свободы) предлагается понимать, во-первых, процесс достижения результата и, во-вторых, сам конечный результат, то есть фактическое обретение гражданином конкретного блага, пользование, распоряжение им. Механизм же реализации права может быть охарактеризован как законодательно установленный набор гарантий, обеспечиваемых государством для достижения любым субъектом, осуществляющим данное субъективное право, желаемого результата от его осуществления.

Начать анализ следует с результата реализации права на доступ к сети Интернет. Мы полагаем, что он не может быть сведен к сумме результатов реализации традиционных фундаментальных прав, поскольку заключается не просто в обретении субъектом дополнительного инструмента для поиска, получения и распространения информации, а в возможности войти в глобальное информационное общество, стать его частью. Такой результат не может быть достигнут путем реализации какого-либо из существующих фундаментальных прав, взятых в отдельности. Наличие специфического результата реализации позволяет предположить существование у права на доступ в Интернет собственного механизма реализации.

Процесс реализации данного права также отличается своеобразием. Будучи правом синтетическим, право на доступ в Интернет объединяет в себе правомочия, восходящие к различным фундаментальным правам, и по этой причине механизм его реализации является многосоставным. Несложно заметить, что два направления реализации данного права, которые мы назвали «право на вход» и «право на коммуникацию», не существуют друг без друга и взаимно обуславливают друг друга. Во-первых, «право на вход» в Глобальную сеть не имеет смысла, если не сопряжено с последующей коммуникацией, то есть поиском, получением или распространением информации (действительно, в Интернет мы выходим, чтобы совершить необходимые нам действия; без этих последующих действий сам по себе выход в Интернет утрачивает смысл). Во-вторых, совершение всякой коммуникации в Интернете невозможно без предварительной реализации «права на вход». Иными словами, реализация «права на вход» является необходимым условием реализации «права на коммуникацию».

Если вновь обратиться к юридическому содержанию рассматриваемого права, то можно обнаружить, что одни правомочия, его составляющие, не требуют от государства как обязанного лица совершения каких-либо действий, а, напротив, нуждаются в гарантировании

достаточной степени автономии индивидов. Такие правомочия должны обеспечиваться негативными гарантиями со стороны государства (невмешательством в сферу частной жизни, отказом от непропорциональных и необоснованных ограничений и т.д.). Другие же правомочия невозможно реализовать без активных действий со стороны государства. Например, невозможно реализовать право на подключение к Сети, если в соответствующей местности отсутствует необходимая технологическая инфраструктура. Поэтому эти правомочия требуют от государства позитивных гарантий – активных действий, направленных на стимулирование развития Интернета и расширение сферы его проникновения.

К негативным гарантиям следует отнести недопустимость запретов на подключение к Сети и выход в Интернет, недопустимость массового отключения Интернета, чрезмерной и необоснованной фильтрации интернет-контента, в том числе блокировки доступа к определенным интернет-ресурсам (если такая блокировка выходит за пределы ограничений, допускаемых международным правом), отказ государства от преследования интернет-пользователей (в том числе блогеров и журналистов) по политическим причинам за распространяемые в Сети мнения и идеи и т.д. Необходимо отметить, что истоки негативных гарантий, как правило, восходят к доктрине *free flow*. Поэтому такие гарантии зачастую не воспринимаются государствами, не признающими указанную доктрину. Примерами могут служить практика отключения Интернета или замедления его работы (особенно активно используемая в отдельных африканских странах в период выборов или массовых волнений), жесткая фильтрация контента и блокировка иностранных ресурсов, уголовное преследование интернет-активистов в Китае, Иране и отдельных странах Арабского Востока.

В условиях жестких ограничений «права на коммуникацию» даже относительная простота реализации «права на вход» может поставить под сомнение эффективность реализации права на доступ в Интернет в целом. Справедливо и обратное: в отсутствие у индивидов гарантируемой государством возможности реализации «права на вход» в глобальную Сеть негативные гарантии «права на коммуникацию» и свободный обмен информацией в Интернете также оказываются пустыми декларациями. Поэтому право на доступ в Интернет предполагает существование как негативных, так и позитивных гарантий, нацеленных на предоставление всем индивидам без дискриминации возможности подключаться к Сети. Такими гарантиями могут выступать как действия экономического характера (например, поддержка конкуренции среди интернет-провайдеров для обеспечения приемлемого уровня цен на их услуги, создание центров коллективного доступа к Интернету, прямая материальная поддержка граждан в форме предоставления им устройств для выхода в Интернет), так и организационные меры, связанные, в частности, с формированием цифровой грамотности населения.

Совместная декларация 2011 г. «О свободе выражения мнения в Интернете» закрепила перечень позитивных обязательств государств по обеспечению доступа максимально широкого круга пользователей к Интернету. Среди них:

- законодательные меры (в том числе в области ценообразования, требований к техническому обслуживанию);
- меры прямой поддержки (в том числе создание на базе местных общин пунктов коллективного доступа);
- меры повышения осведомленности населения о пользовании Интернетом и преимуществах, которые это дает;
- специальные меры содействия доступу к Интернету в отношении инвалидов и лиц, находящихся в неблагоприятных условиях.

Если использование (или неиспользование) негативных гарантий в основном зависит от политического режима и определенной государственной идеологии, то объем позитивных гарантий, как правило, обусловлен наличием у каждого конкретного государства соответствующих материальных ресурсов, а также доступностью на той или иной территории необходимой инфраструктуры связи, обслуживаемой провайдерами. Для обеспечения возможности доступа в Интернет необходимы соответствующие устройства для приема и передачи сигналов электросвязи. Материально-технические средства нужны как оператору связи, который предоставляет на территории страны услуги доступа в Интернет, так и конечному пользователю. При этом подключение к сети Интернет реализуется по-разному в зависимости от используемых устройств. Их стоимость и, соответственно, возможности различны, в результате чего при номинальной доступности интернет-ресурса воспользоваться им может быть затруднительно или вовсе не представляться возможным (Хуснутдинов 2017: 112). Все это порождает проблему цифрового неравенства, делающую очевидным тот факт, что реализация права на доступ в Интернет не может развиваться только в рамках доктрины *free flow* и киберлибертарианства. Необходимы позитивные меры, благодаря которым возможность доступа в Интернет – если рассматривать ее с позиций прав человека – станет действительно равной и универсальной, не зависящей от государственных границ, экономического положения и политического строя.

В конце 2020 г. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) опубликовал доклад «Сколько детей и молодых людей имеют дома доступ в Интернет?»¹. Актуальность исследования была обусловлена введением в большинстве стран ограничительных мер в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции. Результаты исследования оказались во многом неожиданными: 2/3 молодых людей в возрасте до 25 лет все еще не имеют возможности выходить в Интернет из дома. Причем если в странах Восточной

¹How many children and young people have internet access at home?. URL: <https://data.unicef.org/resources/children-and-young-people-internet-access-at-home-during-covid19/> (дата обращения: 30.04.2021).

Европы и Центральной Азии доля молодых людей, имеющих дома Интернет, составила 59%, то на юге и востоке Африки этот показатель оказался лишь 13%, а в государствах Западной и Центральной Африки едва достиг 5%.

Значительный цифровой разрыв между странами и регионами является одним из сдерживающих факторов на пути международного признания права на доступ в Интернет (именно права, а не средства или условия реализации других прав) и выработки его универсального содержания, ведь, как замечает А.А. Щербович, «в случае закрепления этого права возникает обязанность государства обеспечивать это право инфраструктурой доступа к Интернету» (Щербович 2015а: 58), но такая возможность есть не у всех государств.

Таким образом, можно сделать вывод, что право на доступ в Интернет обладает не только собственным юридическим содержанием, но и особым механизмом реализации. Последний имеет комплексный характер и предполагает наличие одновременно как негативных, так и позитивных гарантий. С точки зрения правомочий, требующих негативных гарантий, право на доступ в Интернет реализуется в той же логике, что и право на свободный поиск, получение и распространение информации. Но с точки зрения другой группы правомочий, требующих позитивных гарантий со стороны государств, право на доступ в Интернет схоже с социально-экономическими правами и реализуется посредством присущих этим правам механизмов.

Заключительные выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что доступ в Интернет может рассматриваться в качестве субъективного права человека. Оно имеет собственное юридическое содержание, заключающееся в наборе определенных правомочий субъектов – носителей права, а также собственный механизм реализации. Синтетический (производный) характер юридического содержания и процесса реализации не отменяет наличия у права на доступ в Интернет самостоятельной ценности, тем более что результатом его реализации является качественно новое состояние – приобщение индивида к глобальному информационному обществу, обладающему колоссальным потенциалом для пользования фундаментальными правами и свободами. Вместе с тем нет оснований относить право на доступ в Интернет к разряду фундаментальных прав человека, поскольку оно реализуется за счет правомочий, обеспечиваемых и охраняемых другими общепризнанными правами и свободами, прежде всего свободой выражения мнения и правом на информацию, а также правом на неприкосновенность частной жизни, правом на пользование результатами научного прогресса и т.д.

Право на доступ в Интернет приобретает ценность в качестве субъективного права лишь тогда, когда его реализация обеспечивается сразу по двум направлениям, одно из которых «право на вход», другое – «право на коммуникацию». Однако это условие признается и обеспечивается

далеко не всеми странами; соответственно и объем гарантий доступа в Интернет, закрепленных в национальных законодательствах и получающих практическое воплощение, также существенно различается. По этой причине актуальной видится выработка международных стандартов доступа в Интернет и их последовательное претворение в жизнь во всех уголках мира. Имплементация таких стандартов позволит говорить о праве на доступ в Интернет в международно-правовом контексте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азаров А.Я. 1995. Права человека : Новое знание. Москва : О-во «Знание» России. 256 с.

Арановский К.В. и др. 2012. О правах человека и социальных правах / К.В. Арановский, С.Д. Князев, Е.Б. Хохлов // Сравнительное конституционное обозрение. № 4. С. 61-91.

Виноградова С.М., Мельник Г.С. 2012. Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене // Гуманитарный вектор. № 2. С. 239-246.

Игнатъев М. 2019. Права человека как политика и как идолопоклонство / пер. с англ. А. А. Захарова. Москва : Новое лит. обозрение. 211 с. (Б-ка журн. «Неприкосновенный запас»).

Лебедев В.А. 2005. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). Москва : Изд-во Моск. ун-та. 272 с.

Лева И. и др. 2013. Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика : аналит. докл. / И. Лева, Г. Шуклин, Д. Винник. Москва : Ассоциация интернет-издателей ; Кабинетный ученый. 144 с.

Максимов А.А. 2019. Существует ли право на доступ к Интернету? // Современное право. № 6. С. 58-64.

Рудинский Ф.М. (ред.) 2010. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / П.В. Анасимов, С.А. Бурьянов, В.Г. Глебов и др. ; под ред. Ф.М. Рудинского. Москва : МИР. 623 с.

Рудинский Ф.М. (ред.) 2009. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики / Ф.М. Рудинский, Ю.В. Гаврилова, А.А. Крикунова, Т.А. Сошников ; под общ. ред. Ф.М. Рудинского. Москва : Права человека. 495 с. (Б-ка по правам человека).

Талапина Э.В. 2016. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. № 6. С. 70-83. DOI 10.21128/1812-7126-2016-6-70-83

Хуснутдинов А.И. 2017. Право на доступ в Интернет – новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. № 4. С. 109-123. DOI 10.21128/1812-7126-2017-4-109-123.

Шатилина А.С. 2018. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека. № 1. С. 38-45.

Шишкина А.Р., Исаев Л.М. 2019. Арабский мир в цифровую эпоху: Социальные медиа как форма политической активности. Москва : Ленанд. 128 с.

Щербович А.А. 2015b. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете. Москва : Теис. 148 с.

Щербович А.А. 2015а. Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России // Копирайт : Вестн. Академии интеллектуал. собственности и Рос. авторского о-ва. № 3. С. 57-70.

Frosini T.E. 2014. The Internet Access as a Fundamental Right // Studies in Law: Research Materials. № 1. P. 5-12.

Mathiesen K. 2012. The Human Right to Internet Access: A Philosophical Defense // International Review of Information Ethics. Vol. 18 (12/2012). P. 9-22. DOI 10.29173/irrie299.

Penney J.W. 2011. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchel Law Review. Vol. 38, iss. 1. P. 10-33.

Rifkin J. 2000. The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism. Where All of Life is Paid-For Experience. New York : J.P. Tarcher Perigee. 320 p.

Szozzkiewicz L. 2018. Internet Access as a New Human Right? State of the Art on the Threshold of 2020 // Adam Mickiewicz University Law Review. № 8. P. 49-62. DOI 10.14746/ppuam.2018.8.03.

Tully S. 2014. A Human Right to Access the Internet? Problems and Prospects // Human Rights Law Review. Vol. 14, № 2. P. 175-195. DOI 10.1093/hrlr/ngu011.

Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R, 12 декабря 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 30.04.2021).

Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 30.04.2021).

Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю. 16 мая 2011 г. A/HRC/17/27. 27 с. URL <https://undocs.org/ru/A/HRC/17/27> (дата обращения: 30.04.2021).

Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractecon.shtml (дата обращения: 30.04.2021).

Окинавская хартия Глобального информационного общества. Принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 30.04.2021).

Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 января 2016 г. Дело «Калда (Kalda) против Эстонии» (жалоба № 17429/10) (Вторая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 11.

Резолюция Совета по правам человека ООН от 27 июня 2016 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» (А/HRC/32/L.20). URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/32/L.20> (дата обращения: 30.04.2021).

Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. Принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО 15 октября 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml (дата обращения: 30.04.2021).

Совместная декларация о свободе выражения мнения в Интернете, 2011 // Совместные декларации представителей межправительственных органов по защите свободы СМИ и выражения мнения / ОБСЕ ; ред. А. Улен. Вена, 2013. С. 85-91. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/99559.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

Переходная Конституция Непала, 2007. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=320> (дата обращения: 30.04.2021).

Constitutional Council. Decision No. 2009-580 of June 10th 2009. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/2009_580dc.pdf (дата обращения: 30.04.2021).

Sentencia12790:Expediente09-013141-0007-CO.URL:<https://www.technollama.co.uk/wp-content/uploads/2012/04/Voto2010-12790SalaConstitucionalCR.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

References

Aranovsky K.V., Knyazev S.D., Khokhlov E.B. On Human Rights and Social Rights, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie (Comparative Constitutional Review)*, 2012, no. 4, pp. 61-91. (in Russ.).

Azarov A.Ja. *Human Rights: New Knowledge*, Moscow, Obshchestvo "Znanie" Rossii, 1995, 256 p. (in Russ.).

Constitutional Council. Decision No. 2009-580 of June 10th 2009, available at: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/2009_580dc.pdf (accessed April 30, 2021).

Declaration of Principles "Building an Information Society is a Global Challenge in the New Millennium". Document WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R, December 12, 2003, available at: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

European Convention on Human Rights, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1998, no. 20, art. 2143. (in Russ.).

Frosini T.E. The Internet Access as a Fundamental Right, *Studies in Law: Research Materials*, 2014, no. 1, pp. 5-12.

Ignatieff M. *Human Rights as Politics and Idolatry*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 211 p. (in Russ.).

International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A

(XXI) of 16 December 1966, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Joint Declaration on Freedom of Expression and the Internet, 2011, A. Ulen (ed.) *Sovmestnye deklaratsii predstaviteley mezhpriatel'stvennykh organov po zashchite svobody SMI i vyrazheniya mneniya*, Vena, 2013, pp. 85-91, available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/99559.pdf> (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Judgment of the European Court of Human Rights of January 19, 2016 Case “Kalda v. Estonia” (Complaint No. 17429/10) (Second section), *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka (Russian edition)*, 2016, no. 11. (in Russ.).

Khusnutdinov A.I. Is the Right to Access the Internet a New Human Right?, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie (Comparative Constitutional Review)*, 2017, no. 4, pp. 109-123. DOI 10.21128/1812-7126-2017-4-109-123. (in Russ.).

Lebedev V.A. *The Constitutional-Law Protection and Defense of Human Rights and Freedoms in Russia (Theory and Practice in the Modern World)*, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2005, 272 p. (in Russ.).

Levova I., Shuklin G., Vinnik D. *The Rights of the Internet Users: Russia and the World, Theory and Practice*, Moscow, Assotsiatsiya internet-izdateley, Kabinetnyy uchenyy, 2013, 143 p. (in Russ.).

Maksimov A.A. Does the Right to Access the Internet Exist?, *Sovremennoe pravo*, 2019, no. 6, pp. 58-64. (in Russ.).

Mathiesen K. The Human Right to Internet Access: A Philosophical Defense, *International Review of Information Ethics*, 2012, vol. 18 (12/2012), pp. 9-22. DOI 10.29173/irie299.

Millennium Summit of the United Nations, New York, 6-8 September 2000, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Okinawa Charter on Global Information Society, July 22, 2000, available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Penney J. W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins, *William Mitchel Law Review*, 2011, vol. 38, iss. 1, pp. 10-33.

Report by the Russian Federation to the General Conference on Measures Taken to Implement. The Recommendation concerning the Promotion and Use of Multilingualism and Universal Access to Cyberspace, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue, May 16, 2011, A/HRC/17/27, 27 p., available at: : <https://undocs.org/ru/A/HRC/17/27> (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Rifkin J. *The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism. Where All of Life is Paid-For Experience*, New York, J.P. Tarcher Perigee, 2000, 320 p.

Rudinsky F.M. (ed.) GavriloVA Yu.V., Krikunova A.A., Soshnikov T.A. *Economic and Social Rights of the Man and the Citizen: Contemporary Problems of Theory and Practice*, Moscow, Prava cheloveka, 2009, 495 p. (in Russ.).

Rudinsky F.M. (ed.), Anasimov P.V., Buryanov S.A., Glebov V.G. et al. *Civil Rights of the Man: Contemporary Problems of Theory and Practice*, Moscow, MIR, 2010, 623 p. (in Russ.).

Scherbovitch A.A. Constitutional Right to Internet Access: World Experience and Conclusions for Russia, *Kopirayt (Russian State Academy of Intellectual Property and Russian Authors Society)*, 2015, no. 3, pp. 57-70. (in Russ.).

Scherbovitch A.A. *Implementation of the Constitutional Rights and Freedoms on the Internet*, Moscow, Teis, 2015, 148 p. (in Russ.).

Sentencia 12790: Expediente 09-013141-0007-CO, available at: <https://www.technollama.co.uk/wp-content/uploads/2012/04/Voto2010-12790SalaConstitucionalCR.pdf> (accessed April 30, 2021).

Shatilina A.S. Human Rights on the Internet: The Problem of Recognition of the Right to Internet Access, *Pretsedenty Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*, 2018, no. 1, pp. 38-45. (in Russ.).

Shishkina A.R., Isaev L.M. *Arab World in the Digital Era: Social media as a Form of Political Activity*, Moscow, Lenand, 2019, 128 p. (in Russ.).

Szoszkiewicz L. Internet Access as a New Human Right? State of the Art on the Threshold of 2020, *Adam Mickiewicz University Law Review*, 2018, no. 8, pp. 49-62. DOI 10.14746/ppuam.2018.8.03.

Talapina E.V. Right to Information in the Light of the Subjective Rights Theory, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie (Comparative Constitutional Review)*, 2016, no. 6, pp. 70-83. DOI 10.21128/1812-7126-2016-6-70-83. (in Russ.).

Tully S. A Human Right to Access the Internet? Problems and Prospects, *Human Rights Law Review*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 175-195. DOI 10.1093/hrlr/ngu011.

UN Human Rights Council Resolution of June 27, 2016 "The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet" (A/HRC/32/L.20), available at: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/32/L.20> (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Universal Declaration of Human Rights. Adopted by UN General Assembly Resolution 217 A (III) of December 10, 1948, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Vinogradova S.M., Melnik G.S. Challenges to Overcome Inequalities in the International Information Exchange, *Humanitarian Vector*, 2012, no. 2, pp. 239-246. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мочалов Артур Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2502-559X>;
SPIN-код: 9766-7829;
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Колобаева Наталия Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9322-0309>;
SPIN-код: 2130-8331;
E-mail: kne003@usla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artur N. Mochalov

candidate of legal sciences, associate professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2502-559X>;
SPIN-код: 9766-7829;
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Natalia E. Kolobaeva

candidate of legal sciences, associate professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9322-0309>;
SPIN-код: 2130-8331;
E-mail: kne003@usla.ru

Несмеянова Светлана Эдуардовна

доктор юридических наук, профессор
кафедры конституционного права Ураль-
ского государственного юридического
университета,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7640-9839>;
SPIN-код: 5954-0751;
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru

Svetlana E. Nesmeyanova

doctor of legal sciences, professor, Ural State
Law University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7640-9839>;
SPIN-код: 5954-0751;
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru